

Предисловие от художника и писателя Павла Пенперштейна

Мы все живем в тайном ужасе (и этот ужас относится к тем разновидностям ужаса, которые навязывают нам особенную нервозность). И что это за ужас? Этот ужас связан с брызжущим представлением о том, что подлинной поэзии больше нет. Причем ее больше нет вовсе не потому, что ее больше некому породить, а потому, что ее незачем породить. Иначе говоря, иногда возникает ощущение, что немалое количество талантливых людей способны породить великолепную поэзию, но... она больше не нужна. И все же среди этого множества великолепных и талантливых людей встречаются великолепнейшие, талантливейшие (и к их числу, безусловно, относится Алена Бражникова-Агаджикова!), которым удастся пробить омертвевшую печаль наших не вполне веселых времен своим пылающим словом, своей пылающей болью. И после «западного» слова «боль» пусть прозвучит глубоко восточное слово «сострадание». Буддийское сострадание! На первый взгляд, великолепный поэт Алена Бражникова-Агаджикова кажется автором протестантским, но мое сердце шепчет мне: нет, это неправда! Она не протестантский автор, она автор буддийский. Она посвящает себя состраданию. Она действительно

помогает страждущим и несчастным (помогает не только как деятельный организатор, но и как поэт, как словесник), а не просто тербит края ран, как любят делать протестантские авторы. Она – автор буддийский, потому что она не только лишь тербит раны, но исцеляет их... или хотя бы стремится к этому. Поэзия сострадательная есть то, что чаемо нами в самой глубине наших невысказанных стремлений. Сострадание гнездится в словах и между словами, оно дает знать о себе то нервной пульсацией, то загадочными летаргическими замираниями... с чем мне сравнить этот неожиданный ветерок подлинной поэзии, прилетающий из ниоткуда в тот миг, в тот период, когда этого ветерка уже и не ждешь? Сравнил бы я его с той детской травмой. Но здесь возражу компетентным психологам, которые полагают, что травма всегда жиждется на «серьезных» проблемах. Настоящая детская травма отнюдь не такова, она не знает различения на «серьезное» и «несерьезное». Взять хотя бы ту травму (и эту травму я возвел бы в исток несравненной поэзии Бражниковой-Агаджиковой), которая коренится в такой процедуре, как заправление одеяла в пододеяльник. Все мы испытали это! Или не все? Может быть, вовсе не все мы это испытали... но я точно испытал! Я помню (и никогда не забуду) то мучительнейшее состояние в спальнею комнате летнего детского сада, когда каждому ребенку вменяют в обязанность (прежде чем прилечь ради дневного сна) собственноручно заправить одеяло в пододеяльник. И что, господа психологи, вы станете с пеною на губах утверждать, что нужна смерть родителей в автокатастрофе или их предельная холодность в отношении возрастающего чада, для того чтобы сформировалась, созрела, налилась животворящим и ядовитым соком многоцветная детская травма?

Брызните навзничь, детские психологи! Достаточно простого заправления одеяла в пододеяльник, для того чтобы сформировалась травма в тысячу раз более страшная, чем могут вообразить черные архангелы. Ведь одеяло не уминается в пододеяльник! Оно сопротивляется! Там требуется трясти за уголки. Там такие требуются изощрения, что ими на долгие годы становится беременно фарфоровое сознание не взрослого. Как хотелось бы вытрясти из памяти эти одеяла, эти пододеяльники, эти железные кровати, эти пружинные матрасы. Но не получится. Как называется эта невозможность вытрясти все вышеперечисленное? Это называется – подлинная поэзия. И именно эту поэзию (восхитительную, пьянящую, отвратительную, беспомощную, виртуозную) дарит нам Алена Бражникова-Агаджикова.

Предисловие от автора

Во мне всю жизнь соседствовали две вещи: обостренное чувство несправедливости и крайняя восприимчивость к метафизике. Днем я могла работать над материалами о людях, которые подвергаются насилию или сильно болеют и им нужна помощь, а ночью подолгу смотреть в потолок и ощущать распирающее солнечное сплетение чувство. Чувство, что все люди и события связаны даже не невидимой, а красной нитью; что тени от проезжающих машин на стене – это не просто тени, а портал в мир, который я не вижу, но чувствую. Это чувство началось с детства, и его изначальной формой была благодарность Богу за то, что он создал мир таким невероятным. Я могла сидеть на подоконнике, смотреть на вереницу огоньков фар машин и плакать от того, как все невыразимо и благодатно, как вкусно пахнет воздух весной и чистым бельем, которое сушат на балконе соседи.

С возрастом это чувство притупилось, вера в Бога сменилась на веру в то, чего мы еще не постигли, но что совершенно точно есть. А к тридцати годам неожиданно восприимчивость к метафизике снова возросла, как будто заработал уже покрытый пылью старый термометр.

Стихи в этом сборнике писались на протяжении шести лет. Картины писались специально для сборника. Я не знаю, откуда родились некоторые образы стихов — иногда я засыпала, и в голове начинало крутиться слово, одно и то же слово, я перебарывала сон, вставала и писала, рука вела сама. Или в голове вился образ, например, мигающая красная точка, с которой начался один из самых странных и важных для моего сердца стихов, стих про мусорный полигон. А сколько стихов я в итоге проспала... но не жалею, спать я очень люблю.

Большую благодарность я хочу обратить к ряду людей. Режиссерам кино, которые снова и снова дарят мне портал в другую реальность. В особенности Дэвиду Линчу: он познакомил меня с таким жанром, как магический реализм, вдохновил на автоматическое письмо и научил чуткому обращению со своими снами. Художникам, чьи работы остаются моими проводниками в мир цвета и чувств. Музыкантам, чья музыка всегда наполняет мой дом, в особенности Гейру Йенсенну. Моим друзьям и моей семье за базис всей моей жизни, тем, кто жив, и тем, кого уже нет в живых, но кто перебрался в иное пространство. А также всем, кто нашел время, чтобы познакомиться с моим наиболее честным и невыразимым способом осмыслять реальность — какой бы ирреальной она порой ни была, — с моими стихами.

Перейди по QR-коду и посмотри цветной вариант картины

1.

мне снится, ты крестишься дважды
на водонапорную башню,
внизу семят самолеты,
лежат в колыбелях пилоты
и пальцы большие сосут.

мне снится, ты стонешь во сне,
ногами сучишь, как котенок,
и нет под тобою пеленок
(но ты ведь уже не ребенок),
ты звездный пилот корабля.

мне снится, что в этой вселенной,
обтянутой кожей и тленной,
меня быть не может и нет.

тому, что есть я, светит свет
лучей колыбелей пилотов.

крест-накрест раскрою ладони,
пытаясь нащупать лицо.
ты стонешь и просишь проснуться,
ты видишь во сне мертвецов.

я очень стараюсь нагнуться,
рукой до тебя дотянуться,
а ты исчезаешь во мгле.

сосут свои соски пилоты.
нет в этом пространстве заботы,
заботиться не о ком больше.

мы, кажется, въехали в Польшу.
«открыть паспорта
на странице с визой»,
и я открываю глаза

2.

— всем привет, я — взрослый ребенок
из дисфункциональной семьи. если можно,
я выскажусь. я много говорю об отце,
я превозносил своего отца. хотя так, как ко мне,
он не был жесток ни к кому. мы со спонсором
не можем решить, что выбрать мне высшей
силой: иногда приходим на мою могилу
и топчемся в нерешительности.

говорят, я воскрес. это правда.
воскрешение — больнее, чем смерть.
смерть — это быстро, а тут некуда деть лопатки,
всасывающие крылья обратно,
ни стоять, ни взлететь, ни сидеть.

метаморфоза длилась три дня.
отец меня отправил обратно.

я не был уверен, что хочу
видеть людей, меня убивших,
издевавшихся надо мной,
плюющих в меня.
другого мира я, впрочем, не знал.
отец прямо сказал —
надо.
молнии мечет, посохом бьет.
а я смотрю вниз, мне страшно,
и думаю —
сам-то он что не идет?

стало стыдно.
прости, я спускаюсь, папа.
падаю, делаю глубокий вдох,
кричу:
— поговорите с моим отцом!
он — это я, я — это он.
кричу:
— поговорите с моим отцом!

Толик, спонсор, приходит в ужас.
— ты ведь знаешь, что такое абьюз?
— я не знал, но теперь знаю.
осудить не могу — боюсь.
— в чем-то, знаешь, я сам виноват.
и теперь уж как вышло, так вышло.
у отца самого как таковой семьи не было, нам
трудно его понять. ну вот каково быть тем, кто
сам все создал? это, наверное, невыносимо
одинокое. я бы просто орал.

— разве на кресте ты не орал?

Толик раздражающе хороший спонсор. вечно не в бровь, а в глаз.

— это было всего один раз и быстро закончилось

я знаю, что скажет Толик. его папа тоже не сахар, алкоголик, плакал у семилетнего Толика на коленках и просил называть маму шлюхой. есть в нашей с ним истории кое-что общее. мой отец говорил, что люди будут слушать меня, потому что я воскрес, дескать, он сотворил мной чудо. люди правда стали прислушиваться ко мне и хотели быть ближе, но никто не хотел слушать меня по-настоящему. я нес себя, запертого во внутреннем саркофаге, где продолжал гнить вместе со своими эмоциями и желаниями. они разрастались вширь, но саркофаг было не проткнуть, так что я ходил и ходил по пустыне, волоча тяжелую ношу, и рассказывал людям про крест. они падали передо мной на колени, плакали, как толиков папа, и рассказывали ужасные вещи.

— по крайней мере, — усмехнулся Толик, выдувая дым, — у тебя были поклонники.

я посмотрел на его физиономию и впервые в жизни засмеялся.

— никогда не думал об этом с такой стороны.

— а ты подумай. это друг тебе советует

3.

я родился слепой невидимкой:
моя мама не познала мучений,
обрекающих на крик рожениц.
я легко выпорхнул из ее лона,
но, слепой, ударился о стекло роддома.

но, невидимый, я так долго летал,
прежде чем на груди примоститься
бесцветным калачиком,
и все же мне удалось. и даже Она
почувствовала мое присутствие.

ее тонкие теплые пальцы
проскальзывали сквозь то,
что могло бы быть теплым телом,
но я был — воздух,
бесплотный, колыхаемый ветром,
ветер также регулировал температуру моего
сердца.

ее живот был — как парус,
раздуваемый мной изнутри.
теперь он опал, но она не расстроилась,
куда бы она ни шла,
то придерживала калачик воздуха
на груди.

мне нравилось вздыматься
и опускаться.
вздыматься
и опускаться.

как нежно колыхалось то,
что могло быть моими кудрями,
от ее теплого дыхания.

когда она грустила, ее щеки холодели,
когда радовалась — ее грудь вздымалась
быстрее,
когда влюблялась — что-то в ее нутре
клокотало.
она всегда знала,
что я рядом.
до последнего вздоха
знала.
вместе с ним
я и был растворен
во времени,
в звездах,
в дожде,
в океане.
и снова —
во времени,
в звездах,
дожде,
океане.
и снова

4.

поливай богульник,
он любит воду,
обновляй воду,
поливай богульник.

под новый год
какая-то умница
(или умник)
хорошо придумали,
а главное – вовремя.
хлопаю стоя,
стонем и хлопаем.

дела в приоритете:
не потерять себя,
не потерять себя,
себя не потерять.

но для начала
давай поедим
и починим кровать

5.

я бы если могла
обняла тишину
а она бы меня
в ответ обняла

шепнула на ухо
без звуков слова
слова ни о чем
покоя слова